

Сергей Патрушев

Магия Сакуры

Сергей Патрушев

Магия Сакуры

<https://litres.ru/74372759>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лилия с детства знала, что её магия не благословение, а проклятие. Вместо защиты полей она разносила амбары, вместо помощи, пугала односельчан.

Когда на родную деревню напали мародёры, именно её неконтролируемая сила, "Шквал Лепестков", спасла людей и уничтожила половину деревни. Изгнанная и отвергнутая, она решает уйти, чтобы найти того, кто научит её не разрушать, а защищать.

Её путь лежит через дикие леса, где старый отшельник Кендзо покажет ей, что истинная сила не в ярости, а в пустоте. Через столицу, где элитный боевой отряд "Легион Стали" примет её, но не сразу поверит. Через зимние походы и сражения с демонами, где она поймёт, что её магия сакуры может быть не только оружием, но и щитом.

Когда бесчисленная армия подойдёт к стенам столицы в самый разгар цветения, Лилии придётся соединить свою душу с тысячами цветущих деревьев, чтобы создать "Царство Сакуры" — зону, где каждый лепесток превращается в клинок.

Содержание

Глава 1. Увядание не для меня	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Патрушев

Магия Сакуры

Глава 1. Увядание не для меня

Весна в этом году выдалась ранняя и бесстыдно щедрая, словно сама природа решила напомнить людям у подножия горы Ханами, что после каждой суровой зимы неизбежно приходит время цветения. Сакура распускалась стремительно, заливая склоны нежно-розовой пеной, и воздух становился густым от сладковатого аромата, от которого у Лилии всегда слегка кружилась голова. Этот запах проникал повсюду: в каждую щель деревянных домов, в каждую складку одежды, в каждый вдох, и от него не было спасения. Он был одновременно прекрасным и удушающим, как сама жизнь Лилии в этой деревне, зажатой между горой и бескрайними рисовыми полями.

Она стояла на краю поля, погрузив босые ноги в холодную, ещё не прогретую как следует воду, и смотрела, как утренний туман цепляется за вершину горы, словно не желая отпускать её в новый день. Вода была ледяной, по-настоящему ледяной, такой, что сводило пальцы, но Лилия не

чувствовала холода. Вернее, чувствовала, но это ощущение было ей даже приятно — оно возвращало её в реальность, не давало улететь вслед за ветром, который вечно что-то шептал ей на ухо. Ветер, тот самый весенний ветер, что рождался где-то высоко в ущельях, пробежал по её щекам, путался в волосах, выбившихся из небрежного пучка, и настойчиво звал её за собой. Лилия хмурилась, прислушиваясь к этому шёпоту, потому что он всегда предвещал неприятности.

Она помнила себя совсем маленькой, когда впервые почувствовала эту связь с ветром. Ей было, наверное, лет пять или шесть. Она сидела на пороге родительского дома и смотрела, как кружатся в воздухе лепестки сакуры, сорванные внезапным порывом. И вдруг ей показалось, что она слышит голос — не человеческий, а какой-то глубинный, словно гул далёкого водопада, смешанный с шелестом листвы. Она протянула руку, и лепестки, словно повинаясь её воле, изменили направление и закружились вокруг её ладони. Тогда она засмеялась от восторга, не понимая, что это было первое проявление силы, которая определит всю её дальнейшую жизнь. Родители тогда посмотрели на неё странно, а отец нахмурился и что-то тихо сказал матери. Лилия не расслышала слов, но интонацию запомнила навсегда — это была смесь удивления, недоверия и страха.

— Опять ты босиком, — раздался позади неё скрипучий,

как несмазанная телега, голос госпожи Танаки, деревенской старостиhi. — Так и простуду подхватить недолго. А нам, знаешь ли, больные не нужны. Нам работники нужны.

Лилия не обернулась. Она уже привыкла к этому тону — смеси напускной заботы и глубокого, почти осязаемого недовольства. Госпожа Танака стояла за её спиной, уперев руки в широкие бока, и наверняка качала головой, глядя на неё, как на неразумного ребёнка. Хотя каким уж ребёнком была Лилия? Двадцать вёсен миновало с тех пор, как она появилась на свет в этой деревне, зажатой между горой и бескрайними полями, и все эти двадцать лет она чувствовала себя здесь чужой. Не просто чужой — опасной. Опасной, как неразорвавшийся снаряд, как тлеющий уголь, который в любой момент может вспыхнуть и спалить всё вокруг.

Старостиha Танака была воплощением всего, что Лилия ненавидела в этой деревне. Она была олицетворением порядка, который душил, традиций, которые не давали дышать, и страха, который передавался из поколения в поколение, как заразная болезнь. Её муж был деревенским старостой, но уже много лет как отошёл от дел, и теперь всем заправляла она — железной рукой, скрытой под бархатной перчаткой напускной заботы о жителях. Танака знала всё обо всех: кто сколько риса собрал, кто с кем поссорился, кто тайком ходит к знахарке за приворотами. И, конечно же, она знала о Лилии

всё — каждую её неудачу, каждый промах, каждую «случайность», которая едва не обернулась трагедией.

— Я только хотела проверить, как взошли саженцы, — тихо ответила Лилия, наконец оборачиваясь. Её карие глаза, цвета мёда, пронизанного солнцем, встретились с выцветшими глазами старости. — Матушка Хана говорила, что в этом году рис будет особенно капризным из-за ранней весны.

— Матушка Хана много чего говорит, — фыркнула Танака, поправляя съехавший на лоб платок. — Но вот что-то я не вижу, чтобы её травы и нашептывания спасли нас от твоих... выходов. Вчера, говорят, ты снова чуть не спалила амбар у старого Коджи.

Лилия стиснула зубы, чувствуя, как внутри начинает подниматься знакомая горячая волна раздражения, смешанная с отчаянием. Это было несправедливо. Она не собиралась ничего поджигать. Она просто хотела помочь — увидела, что навес над амбаром прохудился после последнего дождя, и решила, что сможет укрепить плетение соломы, используя свою связь с ветром. Ей нужно было лишь чуть-чуть сдвинуть воздушные потоки, чтобы уложить солому ровнее. Но вместо этого магия, эта дикая, непокорная сила, живущая в её крови с самого рождения, вырвалась из-под контроля. Порыв ветра, наполненный мельчайшими, едва заметными

лепестками сакуры, превратился в вихрь, который разметал половину крыши по всему двору, а старика Коджи, мирно дремавшего в тени, сбросил в канаву с дождевой водой.

Она помнила, как старик вылезал из этой канавы, отплёвываясь от зелёной жижи и размахивая палкой. Кричал он тогда так громко, что сбежалась вся округа. Стыд захлёстывал Лилию с головой, и она стояла, опустив голову, не в силах вымолвить ни слова в своё оправдание. А что она могла сказать? Что она не нарочно? Что она хотела помочь? Эти слова уже давно ничего не значили для жителей деревни. Они слышали их слишком много раз.

— Я не хотела, — сказала Лилия, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Это была случайность. Ветер просто... не послушался.

— Вот именно, — Танака подалась вперёд, понизив голос до зловещего шёпота. — Твой ветер тебя не слушается. И сколько ещё таких «случайностей» мы должны вытерпеть? Пока ты не разнесёшь всю деревню по камешку? Пока не покалечишь кого-нибудь по-настоящему?

Эти слова падали на Лилию, как камни, тяжёлые и холодные. Она знала, что старостиха права в своей жестокой прямоте. Она помнила каждую свою неудачу: разбитые кувши-

ны с молоком, которые поднимались в воздух и взрывались, стоило ей только расстроиться; покорёженную изгородь, которую она пыталась «подправить» и которая сложилась гармошкой; перепуганную лошадь, ускакавшую в неизвестном направлении после того, как Лилия попыталась отогнать от неё слепней.

Она была ходячей катастрофой. И с каждым годом, по мере того как её сила росла, «случайности» становились всё разрушительнее. Старейшины уже давно косились на неё с плохо скрываемым страхом, а деревенские дети, завидев её, разбегались в стороны, словно от прокажённой. Только матушка Хана, старая травница, да молчаливый охотник Джиро, потерявший в горах ногу, относились к ней с каким-то суровым, невысказанным сочувствием.

Иногда ей казалось, что она сходит с ума. Что весь этот мир — лишь жестокая шутка неведомых богов, которые решили вселить в тело обычной деревенской девушки силу, которую та не в состоянии ни понять, ни контролировать. Она не просила этой силы. Она не хотела её. Она бы всё отдала, чтобы быть обычной, как другие девушки её возраста, которые выходили замуж, рожали детей, работали в поле и по вечерам пели песни у костра. Но вместо этого она была изгоем, вечным источником проблем и поводом для пересудов. Даже её имя, Лилия, данное матерью в честь красивого цветка,

казалось насмешкой над её неуклюжестью и склонностью к разрушению. Уж лучше бы назвали Камнем или Ветром — было бы честнее.

— Я уйду, — выдохнула Лилия, сама удивляясь собственным словам. — Я уйду в горы. Или в город. Куда-нибудь, где не смогу никому навредить.

Танака на мгновение замерла, в её глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение, но тут же сменилось привычным скепсисом.

— И куда ты пойдёшь, дурочка? Мир за пределами Ханами жесток. Там нет места таким, как ты. Там твоя сила не случайность, а оружие. И тебя саму используют, как оружие, не успеешь и глазом моргнуть. Или убьют. Нет, уж лучше сиди здесь, под нашим присмотром.

Лилия горько усмехнулась. «Под присмотром» означало — под постоянным надзором, как опасное животное в клетке. Она знала, что за ней следят. Знала, что некоторые старейшины уже поговаривали о том, чтобы изгнать её в проклятый лес на северном склоне, где, по легендам, обитали ёкаи и прочая нечисть. И сейчас, глядя в непроницаемое лицо старостиhi, она чувствовала, как к её горлу подступает тоска — удушливая, как дым от сырой соломы. Тоска по че-

му-то, чего она никогда не знала, но всегда смутно ощущала: по свободе, по пониманию, по возможности быть собой, не боясь навредить окружающим.

Спорить было бесполезно. Лилия отвернулась и пошла прочь, оставляя на мокрой земле глубокие следы босых ног. Ветер усилился, поднимая в воздух ворох прошлогодней листвы и лепестков, и ей пришлось приложить усилие, чтобы не дать ему подхватить её и понести. Она знала, что выглядит неуклюже — высокий рост, угловатые плечи, походка человека, который вечно спотыкается о собственные ноги. Магия не только не помогала ей в повседневной жизни, но, казалось, нарочно усиливала её неловкость. Простые движения, которые другим давались без труда, ей приходилось выполнять с оглядкой на ветер, который так и норовил вырваться наружу.

Она шла по тропинке, ведущей от полей к деревне, и краем глаза замечала, как люди, работавшие на соседних участках, провожают её взглядами. В этих взглядах не было злобы — только усталое смирение и лёгкое опасение, как смотрят на раненого зверя, который может укусить, если подойти слишком близко. Она уже давно перестала улыбаться и здороваться с ними: всё равно никто не отвечал. Она стала для них чем-то вроде природного явления, с которым приходилось мириться, как с дождём или заморозками. Только

от дождя можно было укрыться, а от неё — нет.

Мать умерла, когда Лилии было двенадцать. Отец — тремя годами позже, ушёл в горы и не вернулся; говорили, что его растерзал медведь, но Лилия подозревала, что он просто не выдержал позора иметь такую дочь. С тех пор она жила одна в маленьком доме на окраине, который с каждым годом всё больше приходил в запустение. Крыша протекала, стены скрипели, пол прогибался под ногами, но Лилия не решалась просить кого-либо о помощи. Да и кто бы согласился ей помогать? Разве что матушка Хана да охотник Джиро, но они и сами были не в лучшем положении — старые, одинокие, живущие на отшибе.

Она добрела до окраины деревни, где среди густых зарослей цветущего кустарника примостилась крошечная хижина матушки Ханы. Травница сидела на деревянной ступени перед входом и перебирала сушёные корни, разложенные на грубом холсте. Её лицо, испещрённое морщинами, как русло высохшей реки, осветилось слабой улыбкой при виде Лилии. Эта улыбка была единственным светлым пятном в серой жизни девушки, единственным доказательством того, что она не совсем одинока в этом мире.

— Опять поцапалась со старостихой? — спросила травница, не поднимая головы. Её голос был тихим, как шелест

листвы, но в нём слышалась сталь. Матушка Хана была из тех людей, которые, пережив множество невзгод, приобрели удивительную способность сохранять спокойствие в любой ситуации. Она никогда не повышала голоса, но её слова всегда били точно в цель.

Лилия опустилась на корточки рядом с ней, обхватив колени руками.

— Матушка, я не могу больше так жить, — прошептала она, глядя на свои исцарапанные руки. — Каждый день — как ходьба по тонкому льду. Я не могу даже развесить бельё, не боясь, что подниму бурю. Вчера я хотела просто успокоить малыша, который плакал у колодца, а вместо этого сломала ему любимую игрушку. Просто раздавила её ветром.

Травница вздохнула и отложила в сторону пучок какого-то пахучего растения. Она долго молчала, глядя на гору Ханами, вершина которой уже очистилась от тумана, сверкая на солнце снежными шапками. Лилия любила эту гору. Она была единственной вещью в её жизни, которая не осуждала и не боялась. Гора просто была, вечная и неподвижная, и это давало какое-то утешение.

— Твоя сила, Лилия, — это не проклятие, — сказала матушка Хана наконец. — Это дар. Только дар, который ты ещё

не научилась принимать. Представь себе дикую лошадь: она прекрасна и сильна, но, если её не обуздать, она разнесёт конюшню и покалечит наездника. Тебя никто не учил обуздывать твоего зверя. Все только боялись и ненавидели. И в этом наша общая вина.

— Но я пыталась! — воскликнула Лилия, и ветер вокруг неё встрепенулся, подхватив горсть лепестков и закружив их в подобии танца. — Я столько раз пробовала направлять её, но она сильнее меня. Она живёт своей жизнью.

Матушка Хана покачала головой.

— Она не живёт своей жизнью. Она — часть тебя. Ты просто не веришь в себя. Ты с детства слышишь, что ты — проклятая, неуклюжая, опасная. И твоя магия впитывает эти слова, как земля впитывает воду. Она отвечает на твоё внутреннее смятение. Ты боишься её — и она бушует. Ты злишься — и она разрушает. Ты должна найти в себе покой, и тогда твоя сила станет послушной.

Лилия слушала эти слова, и в её сердце загоралась робкая надежда. Но тут же гасла, едва она вспоминала о том, сколько раз она уже пыталась «найти покой». Медитации, дыхательные упражнения, отвары из успокаивающих трав — всё это помогало лишь на короткое время. А потом случа-

лась какая-нибудь мелочь, и всё начиналось сначала. Она была как вулкан, который дремлет, но в любой момент может проснуться, и никто не знает, когда это произойдёт и насколько разрушительным будет извержение.

— Я слышала о людях, которые умеют управлять подобной магией, — тихо произнесла Лилия. — В городах, далеко отсюда, есть школы, где учат таких, как я. Где магия — это не проклятие, а ремесло. Я могла бы найти их.

Травница резко повернула голову, и в её глазах блеснул гнев.

— Не смей даже думать об этом! Мир за этими горами жесток. Школы магии — это не добрые наставники, а фабрики по производству оружия. Из тебя сделают убийцу, инструмент в чужих войнах. Ты думаешь, твоя сила — это только разрушение? Ты глубоко ошибаешься. В тебе заложен потенциал созидания, защиты. Но чтобы раскрыть его, нужно терпение и время, а не сомнительные учителя.

— Но у меня нет времени! — в отчаянии выкрикнула Лилия, вскакивая на ноги. — Каждую ночь я боюсь, что во сне устрою ураган и разрушу дом. Каждое утро я молюсь, чтобы день прошёл без происшествий. Я не могу так больше!

Её голос сорвался, и ветер, который она так старательно сдерживала, внезапно вырвался из неё, словно подчиняясь её отчаянию. Вокруг деревьев засвистело, ветки закачались, а с крыши хижины травницы сорвало несколько пучков сушёных трав. Лилия в ужасе зажала рот ладонью, прижавшись спиной к стволу старой вишни. Ветер унялся так же внезапно, как начался, оставив после себя лишь тихое позвякивание колокольчиков, висевших на дверях.

Матушка Хана тяжело поднялась и подошла к ней. Она положила сухую тёплую ладонь на плечо Лилии, заставляя её посмотреть в глаза.

— Я знаю, что тебе тяжело, дитя. Но бегство не решит твоих проблем. Оно лишь прибавит новых. Ты должна остаться. Я помогу тебе. Мы будем работать вместе, медленно, шаг за шагом.

Лилия закрыла глаза, чувствуя, как слёзы обжигают ресницы. Ей так хотелось верить, что всё наладится. Но в глубине души она знала — что-то надвигается. Что-то, что изменит всё. Это чувство было сродни тому, что испытывает животное перед землетрясением: глубокая, инстинктивная тревога, которую невозможно объяснить словами. Она чувствовала, как ветер вокруг неё меняется, становится плотнее, тяжелее, наполняется каким-то зловещим предвкушением. И

это предчувствие не обмануло её.

Три дня спустя на деревню обрушился кошмар, о котором здесь слагали легенды, но в который никто по-настоящему не верил. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в тревожные багровые тона, когда с северного перевала до-несся звук, похожий на раскат грома. Но небо было чистым. Это был топот множества копыт.

«Псы Войны». Это название Лилия слышала от заходящих торговцев, но считала их вымыслом, страшилками для непослушных детей. Банда мародёров, отбросов, выживших после бесчисленных войн, которые не нашли себе места в мирной жизни. Они передвигались по землям, сея смерть и разрушение, грабя и сжигая всё на своём пути, словно стая оголодавших волков. И сейчас эти волки явились в их тихую деревню.

Лилия в тот момент была у реки, помогая женщинам полоскать бельё. Услышав первые вопли, она сначала застыла, не понимая, что происходит. Её руки сами собой разжались, и простыня, которую она держала, упала в воду и поплыла по течению. Она смотрела на деревню, откуда доносились крики, и не могла пошевелиться. В голове было пусто, как в высохшем колоде. А потом она увидела столб чёрного дыма, поднимающийся над крышами, и сердце её ёкнуло и ушло в

пятки.

— Бегите! — закричала она женщинам, и её голос, усиленный ветром, разнесся над водой. — Прячьтесь в лесу!

Женщины, оставив бельё, бросились врассыпную, но Лилия, вместо того чтобы бежать с ними, повернулась и побежала в сторону деревни. Ноги несли её вперёд, хотя разум кричал об обратном. Она должна была помочь. Она не могла просто так сбежать, бросить людей, с которыми прожила всю жизнь, какими бы холодными и отстранёнными они ни были. Она была частью этой деревни, даже если деревня не считала её своей.

Деревня превратилась в ад. Мародёры, вооружённые до зубов ржавыми мечами, копьями и топорами, носились по улицам, выбивая двери и хватая всё, что попадалось под руку. Их лица, изуродованные шрамами и безумными ухмылками, были страшнее любого кошмара. Они были похожи не на людей, а на демонов, вырвавшихся из преисподней, и их смех, хриплый и безумный, заглушал крики жертв. Лилия прижалась к стене сарая, стараясь не дышать. Её сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно по всей округе. Ветер вокруг неё задрожал, предчувствуя беду, но она сдерживала его изо всех сил, понимая, что любое неосторожное движение может выдать её.

Она видела, как горит дом пекаря, как падают на землю тела соседей, как мародёры тащат за волосы кричащую женщину. Она видела всё это, но не могла пошевелиться. Страх парализовал её, приковал к месту, лишил воли. Ветер внутри неё бился, как птица в клетке, но она держала его, боясь, что если выпустит, то произойдёт что-то ужасное. Она не знала тогда, что ужасное уже произошло, и что её вмешательство станет единственным шансом на спасение для многих.

И тут она увидела его. Маленький мальчик, сын пекаря, не старше шести лет, застыл посреди улицы, зажав в руках деревянную куклу. Он был парализован ужасом, глядя на всадника, который на полном скаку нёсся прямо на него. Лилия узнала этого всадника — его лицо с перебитым носом и красной повязкой на голове. Он хохотал, поднимая свой кривой меч. Этот смех врезался в память Лилии, как раскалённое железо. Он будет преследовать её в кошмарах ещё много лет.

Время замедлилось. Лилия увидела, как меч начинает опускаться, как сверкает сталь в кровавых лучах заката. Она увидела расширенные от ужаса глаза мальчика. И что-то внутри неё сломалось. Окончательно и бесповоротно.

Она выскочила из-за сарая с криком, который не был похож на человеческий. Это был вой ветра, соединившегося с

её собственным голосом. Она выбросила руки вперёд, и из её ладоней, из воздуха, из самой её души вырвался вихрь. Но это был не тот слабый ветерок, что развеивал бельё. Это был ураган.

«Шквал Лепестков».

Лепестки сакуры, тысячи, миллионы лепестков, сорванные неведомой силой с деревьев, закружились в безумном танце, превращаясь в смертоносный ураган. Они сверкали в лучах заката, как осколки розового хрусталя, и летели с такой скоростью, что рассекали воздух с пронзительным свистом. Лилия не управляла этим. Она сама стала этим ураганом — его центром, его сердцем, его бешеной яростью.

Лепестки, которые в обычное время были символом красоты и нежности, теперь были тверже стали. Они врезались во всадника, словно рой острейших бритв. Конь, сражённый залпом невидимых лезвий, рухнул, увлекая за собой всадника. Мародёр не успел даже вскрикнуть. Его лицо исчезло под кровавой маской из порезов, а тело, изрешечённое лепестками, рухнуло на землю. Лилия видела, как он падает, как кровь хлещет из сотен ран, и в этот момент она не чувствовала ни торжества, ни ужаса — только странную, отстранённую пустоту, словно всё это происходило не с ней, а с кем-то другим.

Но ураган не остановился. Он рос, расширялся, поглощая всё на своём пути. Лилия чувствовала, как её тело разрывается от невероятной мощи. Она не могла остановиться. Она была лишь сосудом, через который протекала стихия, и этот сосуд трещал по швам.

Мародёры, увидев, что их товарищ пал, закричали от ярости и страха. Они обернулись к ней, обнажая оружие. Их главарь, огромный мужик с бычьей шеей и единственным глазом, взревел:

— Ведьма! Убить её!

Они бросились на неё. Двжимая инстинктом выживания, Лилия повернула свой ураган на них. «Шквал Лепестков» превратился в стену из режущего вихря, которая встала между ней и нападавшими. Те, кто попытался прорваться, были отброшены назад, изрезанные в клочья. Остальные, увидев бесполезность атак, начали отступать, но поздно. Ураган, словно живое существо, почуял их страх и набросился с новой силой.

Лилия видела всё, что происходит, словно со стороны. Она видела, как падают наземь мародёры, как их тела превращаются в кровавое месиво. Она видела, как её лепестки,

красивые до безумия, несут смерть всему живому. И в этот момент она ненавидела себя. Но остановить это не могла.

А потом она увидела, как лепестки врезаются в деревянную площадь. Ветхие торговые ряды, колодец, старый храм, посвящённый духу горы, — всё это разлеталось в щепки под натиском её силы. Она разрушала не только мародёров, но и свой дом, всё, что ей было дорого.

— Нет! — закричала она, но её голос утонул в безумном вое ветра.

Ей удалось вырваться из центра урагана. Шатаясь, словно пьяная, она бросилась прочь от площади, к окраине деревни. Ураган, потеряв источник силы, начал затихать, но разрушения, которые он оставил после себя, были чудовищны. Половина площади превратилась в руины. Десятки тел — и своих, и чужих — лежали вперемешку на истоптанной, залитой кровью земле.

Лилия упала на колени у кромки леса. Её трясло. Перед глазами всё плыло. Она поднесла руки к лицу и увидела, что они покрыты тонкими порезами — следы собственных лепестков, которые не пощадили и её саму. Она подняла голову и посмотрела на то, что натворила.

Деревня, её дом, пылала. Крики раненых и напуганных людей резали слух. Выжившие жители смотрели на неё издалека, и в их глазах не было благодарности. Только ужас. Ужас и ненависть.

Старостиха Танака, с обожжённым лицом и растрёпанными седыми волосами, вышла вперёд. Она указала на Лилию дрожащей рукой и произнесла голосом, полным яда:

— Вот она. Наша погибель. Проклятая ведьма, которая едва не уничтожила нас вместе с врагами.

Лилия не стала ничего отвечать. Она знала, что любые слова будут бесполезны. Она спасла жизнь мальчику, но цена оказалась слишком высока. Она убила мародёров, но разрушила и половину деревни. Она была оружием, неконтролируемым и разрушительным, и сейчас это стало очевидно для всех.

Поднявшись на ноги, она встретила взглядом с матушкой Ханой, которая стояла чуть поодаль, опираясь на свой посох. В глазах травницы не было ненависти — только глубокая, всепоглощающая печаль. И это было ещё хуже.

И тогда Лилия приняла решение. Она уйдёт. Немедленно. Куда угодно, лишь бы подальше от этих глаз, полных страха

и ненависти. Она найдёт того, кто сможет научить её управлять этой разрушительной силой. Того, кто покажет ей, как не разрушать, а защищать. Или она умрёт, пытаясь. Потому что оставаться здесь и видеть, как люди, которых она знала всю жизнь, шарахаются от неё, как от чудовища, было невозможно.

Она развернулась и, не оглядываясь, пошла в лес, оставляя позади дымящиеся руины своей прежней жизни. Позади неё ветер, уставший и послушный, поднял в воздух ворох лепестков, которые ещё вчера были символом красоты, а сегодня стали олицетворением её проклятия. Они медленно кружились в воздухе, оседая на землю, словно розовый снег, провожая её в неизвестность.

У подножия горы Ханами сгущались сумерки. Лилия шла на север, в сторону перевала, где, по слухам, брали начало все дороги мира. Она не знала, что её ждёт впереди. Знала только, что пути назад нет. Увядание было не для неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.